

Марина Цветаева и Франц Кафка

Доклад

Лев Мнухин

Темы, подобные той, что обозначена в названии доклада, обладают особой сложностью. Они не допускают произвольных параллелей, искусственных схождений. Однако, когда в пространстве одной эпохи существуют два крупных художника, то они совершенно естественно вступают в диалог с этой эпохой, а следовательно, и в диалог друг с другом, потому что эпоха эта говорит о себе в их произведениях. В этом смысле Цветаева и Кафка – современники не только по истории, но и по творчеству. Не случайно М.Цветаева приобретает в январе 1939 года, перед самым отъездом, книгу Кафки «Замок». Она продолжает покупать книги, и то, что среди них был Кафка, примечательно ещё и потому, что именно читаемые ею перед отъездом произведения она берёт с собой в ручной багаж.

5 октября 1944г. А.Эфрон пишет А.И.Цветаевой: «В Болшеве у нас были хорошие времена. Включали радио, смотрели привезённые мамой книги с иллюстрациями... книги, которые она прочла или перечла при мне: «Замок» и «Процесс» чешского замечательного писателя Кафки. Она говорила, что эти книги [приносили] ей несчастье, каждый раз, что она ни перечитывает их, что-нибудь случается нехорошее. «Портрет Дориана Грея», одну из книг Колет и книгу Евы Кюри о Марии Склодовской-Кюри, открывшей радий. Всё это осталось в сердце с незабвенным аккомпанементом привезённой Муром модной песенки о бродячем певце с припевом: «Верёвка меня от жизни спасла» - сумасшедшая была песенка».

О «Замке» в семье Цветаевой-Эфрон сохранились скупые воспоминания, но общее – это те ассоциации, которые связывают сюжет и атмосферу книги с жизнью. По свидетельству А.А.Шкодиной, многолетней, начиная со ссылки, подруги А.Эфрон, «Замок» Кафки был книгой, приносившей несчастье и самой Але. 27 августа 1939, когда Аля читала эту книгу, за ней пришли. И 22 февраля 1949, когда за ней пришли, «Замок» вновь был раскрыт на её столе. А.Эфрон в письме к В.Н.Орлову возвращается к этой мысли: «Всё, как в кафковских романах: ниоткуда и никуда».

В дневнике Георгия Эфрона читаем: «Перечёл замечательную книгу Кафки «Замок» (на французском языке)...» (Запись от 28 мая 1940).

А вот запись от 28 января 1943 года по поводу бюрократической волокиты между военкоматом, ЦК, писателями и др. в связи с направлением Мура в трудовую армию, тогда как он предпочёл бы военное училище (в крайнем случае, на фронт??); «Всё это абсолютно как в «Le Chateau» de Franz Kafka».

«Процесс» (1914-1915, издан 1925) и «Замок» (1922, издан 1926) – незаконченные романы Кафки, издание и введение которых в литературную жизнь Европы совпало с пребыванием Цветаевой в Праге, поэтому она не могла не слышать о Кафке. 11 июня 1924г. на Еврейском кладбище в Праге состоялись похороны Кафки. В то же время судьба Кафки на родине была чем-то сродни судьбе Цветаевой: несмотря на то, что целый ряд известных писателей (Томас Манн, Герман Гессе, Альбер Камю) признавали гениальность Кафки, широкой читательской аудиторией и литературной критикой он замечен не был. И Цветаеву, если и сопровождала критика, то это было «родство» и «чуждость»: «И всё-таки я знаю, что я – жизнь: я, а не они, хотя мне всё доказывает обратное» (Запись 9-го января 1939г.).

Между ними было много общего и в историко-культурном смысле: время, отношение к искусству, место в мировой культуре, наконец, Прага – город, который для каждого из них был местом надежд и разочарований, по улицам которого они часами могли бродить.

Однако знакомство Цветаевой с романами Кафки произошло значительно позже. В письме Вадиму Андрееву от 4 декабря 1937, из Ванва она просит:

«Если можете – достаньте где-нибудь Le Proces – Kafka (недавно умершего изумительного чешского писателя) – это я – в те дни. А книга эта была последняя, которую я читала до. Читала её на океане [Цветаева с Муром отдыхали в местечке Lacanau-Ocean (департамент Gironde) на берегу океана. – Л.М.], - под блеск, и шум, и говор волн – но волны прошли, а процесс остался. И даже сбылся».

Возможно, Цветаева считала символическим сам сюжет романа, где рассказывается о прокурите крупного банка, против которого ведёт следствие некий неофициальный, но всесильный суд. Когда герой начинает сопротивляться, отказываясь принять несправедливый закон, его убивают. Зная о том, что для Цветаевой вообще было свойственно переносить содержание прочитанного на какие-то события собственной жизни, можно предположить, что и в данном случае, вероятно, имеется в виду потрясение,

которое пережила Цветаева в связи с участием С.Я.Эфрона в убийстве И.Рейсса. Она проводит аналогию между ситуацией, в которую попадает герой романа, и событиями, связанными с мужем.

В одном из писем 1920г. Кафка отправился по Старой Праге. «Я непрерывно думал об одном: вот если бы в каком-нибудь старом особняке где-нибудь на чердаке для меня нашелся бы тихий угол...» Такой домик Кафка нашёл на Золотой улочке, дом 22. «Трудно себе и представить более подходящее место для литературного труда: маленькая комнатка, в общей сложности не больше 15 квадратных метра, маленькое окошко, выходящее на зеленеющий Олений ров, между входной дверью и дверью комнаты крохотная передняя, из которой ведут две лестницы: одна – на чердак, другая, каменная – в подвал». Поистине, описание, которое по родству поэтической души напомним атмосферу стихотворения Цветаевой «Чердачный дворец мой...».

Кафка страстно любил прогулки, его дневники полны отчётов о поездках и прогулках в предместьях, он разведывал новые места в Праге, часами гулял по пражским улицам, один или в сопровождении своих друзей. Среди его мест и Градчаны, и гора Петржина, набережные, Карлов мост и др. В письмах и стихах Цветаевой мы тоже встречаемся с улочками старой Праги. Прага становится и художественным центром многих их произведений. В уже упомянутом нами «Процессе» есть глава о соборе, в котором легко узнаётся собор Св. Вита, его местоположение, атмосфера... Заслуживает внимания и ассоциация с замком Валленштейна (Вальдштейна) в Богемии, расположенного на возвышенности из базальтовых пород. Предполагается, что именно этот замок послужил прототипом для «Замка»: «Есть самые разные возможности оглядеть его: с равнины, с моста, из парка, между деревьями с обсыпавшейся листвой, из леса сквозь высокие ели». А в его рассказах упомянуты едва ли не все реалии Праги: Мостовая башня, статуя Карла, колодец-фонтан... По такому же принципу строятся «Поэма горы» и «Поэма Конца» М.Цветаевой, помещённые в причудливый городской пейзаж.

Об этих соответствиях и аналогиях можно говорить бесконечно. Остановимся на контексте, связанном с романом «Замок», который был в поле зрения Цветаевой перед возвращением в Россию.

Напомним вкратце сюжет романа. «Замок» («Das Schloss») – это незавершённый роман Кафки. Главный герой К. случайно оказывается в глухой богемской деревне, расположенной у подножия замка графа Вествеста, и узнав, что в этих местах никому из посторонних не дозволено находиться без специального на то разрешения, объявляет себя землемером, прибывшим по приглашению графа. К его удивлению, Центральная канцелярия З. сразу же утверждает за ним звание землемера и даже выдаёт ему двух помощников – совершенно бестолковых и донельзя комичных типов, от которых не может быть никакой пользы. Все попытки К. проникнуть в таинственный З., где сосредоточены все нити управления этим маленьким миром, ни к чему не приводят: к нему невозможно приблизиться, если просто двигаться по деревенской дороге, т.к. она странным образом то и дело отклоняется в сторону, а официальный путь – через обращение к местной администрации – упирается в бесконечную вереницу чиновников. В романе много бытовых сюжетов, попыток найти постоянное жилище, есть встреча с женщиной, её уход и др. Из авторских набросков финальных глав можно сделать заключение, что, по замыслу автора, К. в конце концов добивается официального разрешения жить и работать при Замке, но это разрешение застаёт его на смертном одре.

Сюжетный рисунок чрезвычайно прост и одновременно предельно сложен – не в силу закрученных ходов и запутанных историй, а вследствие своей параболичности, притчеобразности, символической многозначности. Автор затягивает в узнаваемо-незнакомое пространство, пробуждает и предельно усиливает ощущения, которые до этого были скрыты где-то в глубинах его потаённого «я». Каждое новое прочтение «Замка» - это новый рисунок пути, которым бредёт в лабиринте романа читательское сознание.

Творчество Кафки вообще чрезвычайно трудно поддается какой-либо систематизации и стремлению дать «последние», «итоговые» ответы на вопросы, в нём поставленные. Многообразие, пестрота подходов к его книгам удивляет и даже порой раздражает: необъяснима неспособность толкователей Кафки сойтись в одной точке, хоть как-то приближённо обозначить смысловое ядро романа.

Читать «Замок» очень трудно (думаю, что и для Цветаевой это было нелегкое чтение). Профессиональные читатели давно уже отметили повышенную иносказательность романа, причём иносказательность особого рода. Здесь

нет зашифрованного символами некоей Истины (нет сюрреализма его рассказа «Превращение»). Роман содержит множество истин, и в то же время не содержит ни одной.

А разве легко читать зрелую Цветаеву, автора «Поэмы воздуха», философских эссе о творчестве и др.?

Другой важный момент произведения Кафки – реальный мир героя, то некое герметическое пространство, которое ощущается с первых страниц книги. Для К. нет никакой иной действительности, кроме алогичной реальности Деревни и царящего в ней произвола Замка. Нечто похожее имеет место и у М.Цветаевой: замкнутый круг в отношении к ней со стороны эмиграции, трудно пробиваемая стена издателей (особенно в том, что касается стихов) – тоже своего рода атмосфера, аналогичная кафкианскому Замку. Ощущение чуждости и враждебности окружения с одной стороны, острая жажда человеческого тепла и понимания – с другой, вот что объединяет героя «Замка» и Марину Цветаеву.

И, тем не менее, искусство для Кафки и Цветаевой – главный смысл жизни, к каким бы вершинам и пропастям оно ни приводило. Эту позицию определил ещё Флобер: «Я не понимаю людей, которые ухитряются жить, не находясь с утра до вечера в состоянии эстетической увлечённости». Пожалуй, это не вполне точно, потому что по отношению к Кафке и Цветаевой можно говорить скорее об эстетической одержимости художника (именно об этом эссе Цветаевой «Искусство при свете совести»).